

ТАЙСАЕВ Джабраил Мубарикович
кандидат философских наук,
доцент кафедры культурологии
Северо-Кавказского государственного института искусств,
г. Нальчик, Россия
Dzhabrail M. TAYSAEV
Cand. Sci. (Ontology and Theory of Knowledge),
Assoc. Prof., Department of Cultural Studies,
North Caucasus State Institute of Arts, Nalchik, Russia
taisauti@yandex.ru

Синдром привычной смерти

The Habitual Death Syndrome

В статье проводится анализ страха как одной из ведущих эмоций человека. Дается общая характеристика этого явления, а также выделяются основные виды страха. Показываются формы бытования и преодоления общественных страхов.

Ключевые слова: виды страха, культура, общество, страх, феномен.

This article analyses the fear as one of the main human emotion. The general description of fear and the types of fear are considered. The forms of existence and overcoming public fears are shown.

Keywords: kinds of fear, culture, society, fear, phenomenon.

Человек и человеческая культура, являясь системами саморегулирующимися и неравновесными, основанными на механизмах отрицательной и положительной обратной связи, реагируют на внешние и внутренние «вызовы» неадекватно сильно (положительная обратная связь) либо неадекватно слабо (отрицательная обратная связь). Аналогичными механизмами нелинейного взаимодействия с раздражителями обладают все живые организмы. Фритьоф Капра по этому поводу утверждает: «Пнуть камень и пнуть собаку – это две совершенно разные истории, как любил отмечать Грегори Бэйтсон. Камень будет реагировать на пинок согласно линейной причинно-следственной цепочке. Его поведение может быть просчитано на основе фундаментальных законов ньютоновской механики. Собака ответит структурными изменениями согласно своей собственной природе и (нелинейному) паттерну организации» [2, с. 238].

Сам Г. Бэйтсон объяснял это тем, что в первом случае энергию камню передает человек, во втором случае собака сама использует внутреннюю энергию [9, с. 101]. И точно так же человек и культурные общности могут реагировать на внешнее флуктуационное давление далеко не всегда соразмерно внешнему воздействию. Поэтому неудивительно, что такая картина наблюдается и в отношении человеческих страхов. Страх в данной работе автором понимается как форма душевного дискомфорта, формируемого в ответ на негативное воздействие реальных или надуманных факторов на человека и социальные общности. Как правило, страхи имеют вполне рационально обусловленную мотивацию, направленную на стимуляцию компенсаторных действий с целью нейтрализовать негативное воздействие либо, что бывает гораздо чаще, каким-либо образом избежать его. Однако далеко не всегда страхи имеют рациональный и адекватный

характер. Очень часто они проявляются в форме не мотивируемых (фобии) и неадекватных страхов. Во втором случае, страхи бывают либо неадекватно слабыми, либо неадекватно сильными.

В данной работе предметом рассмотрения является феномен неадекватности страхов в культурах. Следует особо подчеркнуть, что статья не является психологической, поскольку в ней рассматриваются не столько непосредственно фобии, сколько культуродаптивные эффекты страхов.

Известный российский психиатр Б.Д. Карвасарский выделяет восемь основных фабул страха: 1) боязнь пространства; 2) социофобии; 3) нозофобии - страхи заболеваний; 4) танатофобия – страх смерти; 5) страхи в сексуальной сфере; 6) страх причинить вред себе и близким; 7) «контрастные» фобии – страх совершить что-то непристойное; 8) фобофобии, или страх самих страхов [3]. Все указанные страхи носят в свою очередь биологический, социальный либо экзистенциальный характер. Но в рамках указанной статьи автора интересует, не качественная типология страхов, а количественная, иными словами, что заставляет одни страхи усиливаться несоразмерно вызовам, другие, напротив, неоправданно ослабевать.

Задача данной статьи заключается в поиске причин и мотивов, заставляющих страхи отдельных людей и социальных общностей, казалось бы, неоправданно ослабевать или столь же неоправданно усиливаться. Почему одни смертельно опасные вызовы человеком практически игнорируются, а другие, несущие пренебрежительно малые по вероятности риски, могут вызывать подчас неадекватно сильные страхи? Например, люди часто боятся летать на самолетах, гораздо больше, чем ездить на несущем куда как более реальную угрозу жизни и здоровью автомобильном транспорте. Или возьмем для сравнения частоты нозофобий СПИДа и гепатита С. Смертельные риски и частоты заболеваемости во втором случае выше, а частоты нозофобий выше в первом случае. Страхи по отношению к таким экзотическим заболеваниям, как геморрагическая лихорадка Эбола, свиной или птичий грипп или атипичная пневмония, также не сопоставимы с реальными рисками. Анало-

гичная картина наблюдается при сравнении страхов относительно маловероятных террористических актов с гораздо более реальными рисками бытовых убийств, когда значительная часть населения массово мигрирует из мест, в которых криминальная смертность на порядки ниже, но ничтожная часть этих смертей связана с громкими преступлениями террористического характера. Подобных примеров можно привести множество.

Остановимся подробнее на авиафобиях (страх полета). Почему они гораздо чаще встречаются в сравнении с теми же моторофобиями (боязнь автомобилей), при том что во втором случае смертность гораздо выше? Так, во всем мире в результате ЧП на авиатранспорте ежегодно погибают от 1000 до 1200 пассажиров. Это, конечно, много. Но для сравнения: такое же примерно количество людей находят свою смерть на дорогах только лишь одной Германии каждые два месяца [6]. Тем не менее страх дорог встречается несопоставимо реже. Самым распространенным объяснением такого несоответствия страхов, по нашим опросам, является то, что якобы в авиакатастрофе вероятность выжить чрезвычайно мала, тогда как в автокатастрофе аварии чаще всего не заканчиваются смертельными случаями. Вместе с тем это логическая ошибка. В действительности как раз этот факт дополнительно свидетельствует в пользу выбора авиатранспорта, поскольку это означает, что наряду с гораздо большей вероятностью погибнуть на дорогах, добавляется еще и множество возможностей получить травмы. Многие связывают это со страхом высоты, что тоже не совсем верно, поскольку, когда это необходимо, человек без всякого труда отключает этот страх, например в лифте, в горах или на балконе.

Атеросклероз многих пугает гораздо менее авиакатастроф, а ведь смертность от него превышает 25% от всех смертей, по данным ВОЗ [1]. Для того чтобы показать несоответствие страхов и рисков для вышеописанного случая, приведем следующий пример. Представим себе человека, который каждый день ест в общеизвестном предприятии быстрого питания, повышая и без того высокий уровень холестерина, рискуя в конце концов получить инфаркт или инсульт с последующим летальным исходом. Он знает о такой вероят-

ности и что она будет чуть ли не наверняка, но идет на это по необъяснимой беспечности. Допустим, этот же человек каждый месяц летает в командировку на самолете, поскольку не имеет иных возможностей. Он знает, что может разбиться, но летает так всю жизнь в страхе и умирает в итоге все равно от какого-либо сердечно-сосудистого заболевания, которого он не боялся совсем.

Можно также сравнить инсектофобии (боязнь насекомых) и арахнофобии (страх пауков). Не так много людей боится комаров больше, чем пауков. Вместе с тем статистика свидетельствует, что комары, вероятно, самые опасные насекомые в мире. Укусы даже безвредных видов комаров могут вызывать аллергическую реакцию вплоть до смертельного исхода в результате анафилактического шока. Еще опаснее малярийный комар, который обитает, в том числе и в России. От его укуса во всем мире инфицируются 350-500 млн человек и около 1,3-3 млн погибают [10]. Тогда как пауков, сколь-нибудь опасных для человека, в России практически нет.

Таких примеров можно привести множество, и все они связаны с меньшими страхами смертельного исхода от привычных и частых причин в сравнении с причинами более редкими и непривычными. Такое явление неоправданно заниженных страхов назовем синдромом привычной смерти.

Чем объяснить такую феноменологическую непропорциональность страхов? Рассмотрим наиболее очевидные причины:

1. Многие страхи связаны с наследственно обусловленными архетипами. Например, арахнофобия нами унаследована от предков¹, которые жили в местах, где пауки были далеко не столь безобидны; земмифобия (боязнь крыс) и прочие подобные зоофобии объясняются эпизоотологическими рисками, которые только в наше время не столь реальны. Однако это объясняет лишь незначительную часть страхов, те же авиафобии или фобии терроризма явно не могут иметь архетипического содержания.

2. Страхи во многом зависят от степени их наглядности. Зрелище гибели сотен людей в авиакатастрофе ужасает гораздо сильнее, чем одиночная смерть на дороге. Однако как тогда объяснить, например, феномен отклю-

чения страхов в военных компаниях, когда закаленные в боях люди после демобилизации испытывают гораздо больший ужас от любой одиночной смерти. Следовательно, эти страхи могут отключаться, когда это необходимо и поэтому следует выяснить причины их отключения или, напротив, усиления.

3. Во всем виновата пресса, которая буквально творит страхи. Думается, что здесь, фигурально выражаясь, не стоит ставить телегу впереди лошади. Пресса подчиняется тем же законам формирования страхов, что и общество. В погоне за тиражами и рейтингами она идет следом за обществом, не столько формируя его вкусы, сколько лишь удовлетворяя их. Впрочем, средства массовой информации вполне в состоянии усиливать уже имеющиеся страхи.

В чем же тогда истинные причины неадекватности многих страхов? Человек должен был научиться отключать страхи вплоть до страха смерти тогда, когда это необходимо. Например, на охоте, в военных столкновениях и т.д. И потому у человека выработался компенсаторный механизм отключения инстинкта самосохранения и даже страха смерти в необходимых случаях, иначе человек не смог бы совладать с нервными перегрузками и стрессами. Кроме того, выполнение многих опасных, но необходимых задач было бы невозможным. А началось все, вероятно, с осознания человеком своей смерти. Кто это был, – тот, кто впервые это понял, – *Homo erectus* или *Homo ergaster*, либо другой предок современного человека, – вряд ли мы это когда-нибудь достоверно узнаем. Ясно одно – это был серьезный стрессовый удар, и не все его выдерживали. Возможно, резко возросла смертность тех, кто не мог выдержать самой мысли о предстоящей неминуемой смерти (танатофобия), а осознание различных трансцендентных истин, вроде идеи жизни после смерти, еще не пришло. Выживаемость могла быть выше у тех гоминид, которые могли «отключать» инстинкт самосохранения, вернее, перенаправлять его на другие риски для жизни, зависящие от нашей воли. Полагаю, что именно эта реакция могла послужить началом для выработки синдрома привычной смерти.

Синдром привычной смерти широко используется не только в классических слу-

чаях мотивирования участников военных сражений, но и при подготовке «живых бомб» – камикадзе или шахидов. Достигается это посредством воспитания отношения к смерти как к чему-то привычному. Ведь в чем состоит принципиальная разница при сравнении с тем же больным атеросклерозом человеком, несмотря ни на какие риски потребляющим жирный гамбургер? Только во времени, да и то далеко не всегда.

Но есть и другое явление – синдром панического страха – его можно считать прямо противоположным синдромом. Не стоит смешивать синдром панического страха, как его понимает автор статьи, с фобиями. Фобии – это патологическая форма страха, характеризующаяся большей интенсивностью и навязчивым характером в стремлении избавиться от его источника [4]. Тогда как синдром панического страха не связан с какими-либо психическими отклонениями и чаще всего имеет не индивидуальный, а групповой характер. Действие данного синдрома является феноменом современного информационного общества, когда страхи оказываются неадекватно сильными, когда от самого страха может погибнуть больше людей, чем от источника этого страха. Например, при панике в давке или при землетрясениях от нервного стресса, вызывающего инфаркт, подчас гибнет больше людей, чем от самого источника опасности. Следует особо подчеркнуть, что данный синдром являлся вполне ординарным явлением всегда и во все эпохи, но до периода становления информационного общества панический страх был неким форс-мажором либо следствием неадекватной боязни, испытываемой отдельными субъектами. В нынешнюю эпоху панический страх превратился в обыденную данность. Связано это в первую очередь с искусственно навязываемыми посредством СМИ стереотипами. Можно предположить, что реальность, данная нам большей частью через опосредованные источники, все сильнее отдаляется от непосредственных субъектно-объектных отношений и все более абстрагируется, превращаясь в некие идеальные образы и штампы массового сознания.

Наиболее ярким примером проявления неадекватности социальных страхов можно назвать страхи, связанные с безопасностью

в северокавказских республиках, тогда как в действительности статистика свидетельствует о том, что по числу насильственных преступлений, включая и убийства, Северный Кавказ можно считать чуть ли не самым благополучным регионом [8].

Следует определиться с типологией страхов. Какие смертельные страхи чаще маскируются синдромом привычной смерти, а какие напротив, многократно усиливаются синдромом панического страха? К первому типу следует отнести перманентные страхи, которым мы подвержены сиюминутно, ко второму, соответственно, – страхи, случающиеся относительно редко. Назовем первый тип страхов перманентными страхами (страх неминуемой смерти, по крайней мере, от старости, страх заболеть смертельной неизлечимой болезнью, страх погибнуть в автокатастрофе, от руки грабителя и т.д.), второй тип – случайными страхами. Вероятность формирования неадекватных страхов в случае их случайности и редкости гораздо выше.

Синдром привычной смерти и синдром панического страха являются яркими примерами отрицательной и положительной обратной связи соответственно. Более того, по-видимому, тут срабатывает механизм смещенного поведения, описанный еще Н. Тинбергеном [7, с. 71-76]. Поскольку синдром привычной смерти принуждает сдерживать многие страхи, они, не находя выхода, накапливаются и, как только находят возможность для своей эффекторной реализации, изливаются панической волной либо сублимируются в часто ничем не мотивированные психозы и неврозы. И не случайно такие панические страхи гораздо больше характерны именно для наиболее защищенных от рисков культур Западной Европы, США, Канады или Японии. И чем более защищены культуры от перманентных страхов, тем более неадекватно сильна в них реакция на страхи случайные. Отсюда несложно понять, почему феномен терроризма раньше не был столь актуален. Это – оборотная сторона ослабления роли перманентных страхов в культурах. Мало того что перманентные страхи маскируются синдромом привычной смерти, – еще и сами источники этих страхов теряют свою роль по мере развития культур и их все большей

защищенности от опасностей. Но эти страхи сами по себе остаются в нас, каждый человек настроен на них, и если наша психика не находит выход в перманентных страхах, то она найдет выход в страхах случайных. И чем реже будет появляться источник этих страхов, тем более неадекватна будет реакция на них и тем на все менее существенные страхи человек будет реагировать. Этим культурным феноменом, когда страхи сохраняют свою значимость, невзирая на снижение роли самих опасностей, искусно пользуются различные «кукловоды», поскольку манипулировать массовым сознанием, особенно в наше время, совсем несложно.

Есть и еще один аспект, который может объяснить механизм этого парадоксального явления. Данный эффект известен в психиатрии как эффект регрессии [5] и представляет собой явление, когда человек в опасных ситуациях включает более детскую, инфантильную реакцию на внешние раздражители.

Использованная литература:

1. 10 ведущих причин смерти в мире [Электронный ресурс] // Информационный бюллетень Всемирной организации здравоохранения. № 310. 2013. Июль. URL: <http://www.who.int/mediacentre/factsheets/fs310/ru/index2.html> (дата обращения 12.10.15).
2. Капра Ф. Паутина жизни. Новое научное понимание живых систем. М.: Гелиос, 2002.
3. Классификации страхов [Электронный ресурс] // Страхи и фобии. URL: <http://ctraxi.ru/klass.html> (дата обращения 12.04.15).
4. Кордуэлл М. Психология. А-Я: словарь-справочник. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2000.
5. Мак-Вильямс Н. Психоаналитическая диагностика: Понимание структуры личности в клиническом процессе. М.: Класс, 1998.
6. Матиенко Г. Самый безопасный вид транспорта [Электронный ресурс] // Еженедельник «2000». 2002. 8 ноябр. URL: <http://2000.net.ua/is/399/147-b8.pdf> (дата обращения 12.04.15).
7. Тинберген Н. Мир серебристой чайки. М.: Мир, 1974.
8. Щербакова Е. Несмотря на двукратное сокращение числа убийств, уровень преступности этого рода остается высоким [Электронный ресурс] // Демоскоп-weekly. № 505-506. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2012/0505/barom02.php> (дата обращения 12.04.15).
9. Bateson G. Mind and Nature. N.Y.: E. P. Dutton, 1979.
10. Campbell N. A. Biology. 7th edition. Menlo Park: Addison Wesley Longman, Inc., 2005.

Часто это помогает, ведь известно, что дети гораздо легче переносят стрессы и волнения. Но тогда включаются детские страхи, которые далеко не всегда адекватны, отсюда и такие немотивированные панические страхи с одной стороны, и столь же немотивированное «мужество» – с другой. Получается, что страхи, которые ранее, и особенно в доцивилизационную эпоху, выполняли вполне утилитарную роль, в нынешнюю эпоху все чаще, не находя истинных опасностей, начинают сами рождать виртуальных чудовищ, становясь уже практически неотличимыми от фобий. И при этом многие действительно реальные источники опасностей никак не отражаются в адекватных страхах.

Проблема вполне решается просвещением, поэтому нужно активно включать все возможные средства масс-медиа в целях повышения уровня общей культуры населения и адекватного отражения реальной значимости тех или иных угроз для личности и общества.

References:

1. 10 vedushchikh prichin smerti v mire (The Top 10 Causes of Death), in *Informatsionnyy byulleten' Vsemirnoy organizatsii zdravookhraneniya*, no. 310, July, 2013. URL: <http://www.who.int/mediacentre/factsheets/fs310/ru/index2.html>. Accessed October 24, 2015.
2. Capra, F., *Pautina zhizni. Novoe nauchnoe ponimanie zhivykh sistem* (The Web of Life: A New Scientific Understanding of Living Systems), Moscow: Gelios, 2002.
3. Klassifikatsii strakhov (The Classification of the Fears), in *Strakhi i fobii*. URL: <http://ctraxi.ru/klass.html> Accessed April 12, 2015.
4. Corduell, M., *Psikhologiya. A-Ya: Slovar'-spravochnik* (Psychology. A-Z: Reference Dictionary), Moscow: FAIR-PRESS, 2000.
5. McWilliams, N., *Psikhoanaliticheskaya diagnostika: Ponimanie struktury lichnosti v klinicheskom protsesse* (Psychoanalytic Diagnosis: Understanding Personality Structure in the Clinical Process), Moscow: Klass, 1998.
6. Matienko, G., *Samyy bezopasnyy vid transporta* (The Safest Mode of Transport), *Ezhenedel'nik «2000»*, 8 November, 2002. URL: <http://2000.net.ua/is/399/147-b8.pdf>. Accessed April 12, 2015.
7. Tinbergen, N., *Mir serebristoy chayki* (The Herring Gull's World), Moscow: Mir, 1974.
8. Shcherbakova, E., *Nesmotrya na dvukratnoe sokrashchenie chisla ubiystv, uroven' prestupnosti etogo roda ostaetsya vysokim* (Despite the Halving of the Number of Killings, the Crime of This Kind Remains High), *Demoskop-weekly*, no. 505-506.

URL: <http://demoscope.ru/weekly/2012/0505/barom02.php>. Accessed April 12, 2015.

9. Bateson, G., *Mind and Nature*, N.Y.: E. P. Dutton, 1979.

10. Campbell, N. A., *Biology*, Menlo Park: Addison Wesley Longman Inc., 2005.ms) [transl. from Balkarian language], Kuliev, K., Foreword, Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1983, 7th ed.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Тайсаев, Д. М. Синдром привычной смерти [Электронный ресурс] / Д. М. Тайсаев // Наследие веков. – 2015. – № 4. – С. 56-61. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2015/12/2015_4_Taysaev.pdf (дата обращения дд.мм.гг).

Full bibliographic reference to the article:

Taysaev, D. M., Sindrom privychnoy smerti (The Habitual Death Syndrome), *Nasledie Vekov*, 2015, no. 4, pp. 56-61. http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2015/12/2015_4_Taysaev.pdf. Accessed Month DD, YYYY.